

СЖЕЧЬ ВЕДЬМУ

Том 2

ВОСПИТАННИЦА ТЬМЫ

ЗЛАТА ЛИСОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Злата Лисова

Сжечь ведьму.

Воспитанница тьмы

<https://litres.ru/73549711>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тишина обманчива. Особенно когда в ней зреет тьма.

Вира и Лука наконец-то обрели покой в собственном доме: уютные вечера у камина, споры о посадках в огороде, смех и близость, которую не отнять. Но волк - Амарок чувствует: что-то идёт.

В Бретенск возвращается та, кого оплакивали десять лет. Она выдаёт себя за ту девочку, которую утащили твари. Чудесное спасение. Слишком складно. Вира молчит, но сердце её кричит: мёртвые не возвращаются просто так.

А в Нави Чернобог поднимает голову. Статуэтка паладина — якорь, что может вернуть железного монстра — начинает пульсировать тьмой. Ткань мироздания истончается, и если не успеть, мир захлестнёт волна мёртвых.

Чтобы спасти всех, Вире придётся искать возможность уничтожить статуэтку. Луке — сделать выбор, кому жить, а кому умереть. Ладомиру — встретиться лицом к лицу с родной сестрой, которую он любил всю жизнь, и понять, что иногда воскресшие приходят не для того, чтобы остаться.

Содержание

Часть I. Возвращение	4
Глава I. Когда просыпается тьма	5
Глава II. Та, что вернулась из темноты	23
Глава III. Семь дней до черты	35
Глава IV. Неприветливая Навь	53
Глава. V Волчья ноша	66
Глава VI. Невеста для князя	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Злата Лисова
Сжечь ведьму.
Воспитанница тьмы

Часть I. Возвращение

Глава I. Когда просыпается тьма

Первое утро в новом доме встретило Виру солнечными зайчиками. Пробившись сквозь резные ставни, они резвились на потолке спальни, скользили по стенам, переплетаясь с тенями. Девушка лежала с распахнутыми глазами, ловя каждой клеточкой непривычную, но сладостную тишину. Это была не та звенящая пустота и не вечный каменный гул замка — с лязгом оружия, топотом слуг и окриками стражи. Здесь, в захаровской усадьбе, тишина оказалась живой и дышащей. Она состояла лишь из мирного потрескивания дров в печи да далёкого птичьего пересвиста за окном. И оттого сердце Виры переполняла радость.

Рядом, раскинув руки, спал Лука, её инквизитор, её счастье. В утреннем свете его лицо казалось почти беззащитным. Без обычной ледяной маски, без вечной настороженности — просто уставший человек, наконец позволяющий себе расслабиться. Тени от тёмных ресниц падали на щёки, грудь мерно поднималась, и Вира смотрела на него, затаив дыхание: на мягкий свет, скользящий по скулам, на чуть заметную дрожь губ во сне, на расслабленную руку, застывшую на подушке в опасной близости от её лица.

Это был дом её мечты — тот самый, что она мысленно строила все годы скитаний по чужим углам. Двухэтажный те-

рем из светлого соснового бруса, успевший за лето прогреться и отстояться, с резными наличниками на окнах и высоким крыльцом, где они с Лукой любили сидеть вечерами. Запах дерева там смешивался с ароматами трав, развешанных Вирой под потолком для сушки, и с лёгкой горчинкой печного дыма.

Где-то внизу, в горнице, тикали старые часы — единственная вещь, которую Лука привёз из своей прошлой жизни, сказав: они напоминают ему о том, что время идёт, даже когда кажется, будто оно застыло.

Весна в этом году выдалась ранняя: снег сошёл ещё месяц назад, и теперь усадьба утопала в зелени. Молодая трава уже поднялась по колено, яблони, что они посадили у крыльца, выбросили первые нежные листья, а в лесу всюду заливались соловьи. Воздух стоял тёплый, пряный, и даже по утрам уже не нужно было кутаться в шубы — достаточно лёгкого плаща. Где-то далеко мычала корова... мирная, спокойная жизнь — именно об этом она так долго мечтала.

Вира улыбнулась, глядя на спящего Луку. Девушка прикрыла глаза — и прошлая ночь сама хлынула в неё, тёплая, тягучая.

Они вернулись в этот дом поздно вечером, уставшие после долгой дороги из замка. Лука разжёл камин, пока она возилась с ужином, но еда так и осталась нетронутой: он подошёл сзади, обнял, прижался губами к её шее — и мир сузился до одного лишь его дыхания на её коже.

— Я соскучился, — шептал он. От его голоса по спине побежали мурашки. Губы скользили по изгибу шеи, едва касаясь, дразня, заставляя кожу гореть.

— Я тоже, — выдохнула она, откидывая голову ему на плечо.

Пламя камина отбрасывало золотистые блики на стены, за окном шумел ветер, а в комнате было так тепло, так уютно. Он развернул её к себе, заглянул в глаза — разноцветные, в свете камина казавшиеся почти волшебными: один ледяной, голубой, другой — огненный, с золотистыми искорками. Он смотрел на неё так, будто не мог насмотреться.

— Ты моя, — сказал он тихо, но твёрдо. — Моя ведьма. Моя жизнь. Моё всё.

Она не успела ответить — его губы накрыли её. Медленно, сладко, смакуя каждый миг. Их дыхание смешалось, и мир за пределами этого поцелуя исчез. Его язык скользнул в её рот, встречаясь с её языком в ленивом, тягучем танце. Она запустила пальцы в его волосы — мягкие, тёмные, пахнувшие дымом и лесом, — притянула ближе. Он довольно зарычал, подхватил её на руки и понёс в спальню.

Опустил на постель бережно, словно она была сделана из тончайшего стекла. Склонился над ней, опираясь на локти, и принялся целовать — лицо, шею, ключицы. Она выгибалась навстречу, ловя каждое движение его губ.

— Ты даже не представляешь, как я соскучился, — про-

шептал он, спускаясь ниже.

Медленно, мучительно медленно он стягивал с неё одежду. С каждым обнажённым дюймом кожи он касался её губами — словно пробовал на вкус, запоминал, впитывал. Плечи, грудь, живот... Когда его губы коснулись её соска, она выдохнула его имя. Он замер на мгновение, наслаждаясь звуком.

— Лука... пожалуйста...

— Тише, — шепнул он, обводя языком вокруг, дразня, заставляя её извиваться. — Я хочу насладиться тобой.

Он спускался всё ниже. Целовал ложбинку между грудей, каждый дюйм живота, оставляя за собой дорожку из мурашек. Его язык прочертил влажную линию от пупка до самого низа — она закусила губу, чтобы не закричать. Когда он добрался до внутренней стороны бедра, она уже дрожала от предвкушения. Он припал губами к нежной коже, целуя медленно, глубоко, чуть покусывая. Язык выводил круги, поднимаясь всё выше, но каждый раз останавливался в самый последний миг.

— Лука, — простонала она, вцепившись в простыни. — Не мучай меня.

— Но это так сладко — мучить тебя, — усмехнулся он. Его дыхание обожгло её там, где она ждала прикосновения больше всего.

Наконец он сжалился. Язык скользнул туда, где она была горячей и влажной, — и мир взорвался. Она закричала,

выгибаясь, но он удерживал её бёдра, не позволяя отстраниться. Язык двигался медленно, дразняще, то углубляясь, то отступая, пока она не начала умолять.

Тогда он поднялся, навис над ней, глядя в её мутные от желания глаза.

— Я люблю тебя, — сказал он, входя в неё одним плавным, глубоким движением. Она вскрикнула, обхватила его бёдрами, притягивая ближе. Лука двигался медленно, чувственно, не отрывая взгляда. Каждое движение отзывалось где-то в самой глубине. Вира царапала его спину, шептала имя — и когда ослепительный, всепоглощающий оргазм накрыл её, разрядом и криком, следом за ней провалился в эту бездну и он.

Потом они лежали тесно прижавшись, утомлённые, счастливые, не спеша возвращаться из того мира, где были только вдвоём. За окном уже брезжил рассвет — ночная буря утихла, и первые робкие птицы пробовали голоса. Ладонь Луки скользила по её спине, губы касались макушки. Слова стали не нужны.

Воспоминание растаяло, оставив под веками тепло.

Вира открыла глаза и снова посмотрела на спящего Луку. Раннее солнце золотило его лицо, делая черты мягче, добрее. Она осторожно коснулась его щеки, провела пальцем по скуле, по губам. Он чуть шевельнулся во сне, улыбнулся чему-то — и сердце её наполнилось таким теплом, что, казалось, ещё немного — и оно разорвётся от счастья.

— Мой инквизитор, — прошептала она.

Он, не открывая глаз, перехватил её руку, прижал к губам — долго, медленно поцеловал пальцы, один за другим, с закрытыми глазами.

— Моя ведьма, — ответил он хрипло, сонно, но твёрдо.

— И ничья больше.

— Спи ещё, — шепнула она.

— М-м-м... — промычал он довольно и снова провалился в сон.

Вира ещё немного полежала, купаясь в тепле его тела, в мерном дыхании, в ласковой тяжести его руки, обнимавшей её за талию даже во сне. Лука что-то тихо бормотнул, притянул её ближе, коснувшись губами её затылка.

«Ещё минуту», — подумала она, закрывая глаза. Но минута растянулась на пять, на десять — так сладко было лежать, чувствуя, как его сердце бьётся у её спины.

Затем осторожно, чтобы не разбудить, Вира выбралась из постели. Лука вздохнул во сне, перевернулся на живот, уткнулся лицом в подушку — и затих. Она замерла на мгновение, глядя на него: разметавшиеся тёмные волосы, ослабленные плечи, рука, свесившаяся с кровати. Улыбнулась своим мыслям и бесшумно скользнула к двери.

Накинула лёгкое льняное платье — Лукин подарок, с вышивкой по подолу, — надела мягкие полусапожки и вышла в горницу.

Внизу было свежо — ночной холод ещё не выветрился, хо-

тя в печи уже потрескивали дрова. Амарок постарался, превратившись в человеческий облик ровно настолько, чтобы подкинуть пару поленьев. Сейчас он лежал у очага в своём привычном волчьем виде, положив морду на лапы, и даже не поднял головы — только уши дрогнули, приветствуя.

Вира оглядела горницу с привычным уже чувством собственности. Большой камин занимал добрую треть стены — она сама его побелила, вывела узоры охрой: диковинные цветы, птиц, какие-то древние символы, что видела во снах. Дубовый стол, за которым они ели, работали с рунами, спорили до хрипоты и мирились до хрипа, был застелен льняной скатертью, что Вира выткала сама — с обережными узорами по краю. Лавки вдоль стен застелены домоткаными половиками.

В углу — её уголок за ширмой под хохлому. Там стоял алтарь, перенесённый из старого дома через волшебную сумку. На месте — камни, травы, атамы, свечи. Рядом висели пучки полыни и зверобоя, воздух пах таинственно, по-ведьмински.

Половину занял Лука — его кабинет, где на стенах висели карты, испещрённые пометками о местах силы и древних проклятиях, а между ними — свитки с записями о нечисти и магических существах, исписанные его размашистым почерком. Стояли книги по истории инквизиции и трактаты о демонологии — потрёпанные, с загнутыми уголками страниц, будто каждая из них была прочитана не раз в поисках ответа на неотступный вопрос. На отдельном столике поко-

ился его меч, тот самый, что прошёл с ним через всё: на лезвии ещё виднелись едва заметные зазубрины — следы битв, о которых Лука редко говорил вслух. Рядом стояла маленькая хрустальная пирамида — Вира подарила ему на память в тот вечер, когда они наконец поверили, что смогут обрести покой. Лука любил сидеть там по вечерам, читая при свечах, пока пламя отбрасывало дрожащие тени на страницы, а она приходила, садилась на подлокотник его кресла и молча листала книги, иногда тихо комментируя какую-нибудь строчку, и в эти мгновения тишина становилась почти осязаемой, наполненной взаимным пониманием.

Вторую половину занимала её мастерская — там хранились особо ценные травы, ингредиенты для зелий и тот самый серп из голубого обсидиана, что передала ей мать: тёмный, с холодным отливом, он лежал на специальной подставке, словно ждал своего часа. Лука в шутку называл это место «ведьмовским гнездом», но никогда не входил без спроса.

Там стоял стеллаж с пузырьками — от крошечных, с ноготь, до огромных, в со сложными составами; на каждом была аккуратная этикетка с датой и составом, написанная изящным почерком Виры. Пучки редких трав свисали с потолка, наполняя комнату горьковато-сладким ароматом.

А на самом почётном месте, в деревянном окладе, обитом тонкими полосками потемневшего от времени серебра, лежало засушенное перо Жар-птицы — подарок от Феликса за спасение его жизни. Тонкие золотисто-алые нити в нём буд-

то хранили отблеск пламени, и даже в неподвижности перо казалось живым, дышащим светом.

«Самое малое, что могу», — сказал король тогда.

Перо рассеивало тьму, и своим тёплым светом способно было согреть, осветить любую комнату. Очень удобная вещь в путешествиях, о которых так мечтал Лука.

Они обживали этот дом вместе, по бревну, по дощечке, по традиции. Первый совместный ужин, когда она чуть не сожгла птицу. Первая гроза, когда они сидели на крыльце и считали молнии. Первая ночь, когда Амарок впервые за долгое время заснул, не вздрагивая от каждого шороха.

Это был их дом. Их крепость.

Вира легко сбежала по лестнице, оставляя Луку досматривать утренние сны. Ноги сами принесли её на кухню — сердце дома, место, где даже в самые хмурые дни было тепло и уютно.

Кухня в их новом доме была небольшой, но ладной. Печь — меньше, чем камин в горнице, но всё же немаленькая. Тут уже старался Лука: сам выбелил её известкой, а по краю пустил синий узор, похожий на васильки. В печи уже догорали дрова, оставляя после себя ровный, ласковый жар, идеальный для выпечки. Чугунок со вчерашними щами стоял в сторонке, прикрытый чистой холстиной.

Вира достала большую глиняную миску — которую ей перед переездом вручила Агата, мол: «Держи, она хорошо прокалена — пригодится», — разбила в неё пару яиц, плеснула

молока из крынки. Мука тонкой струйкой сыпалась в тесто, пахла зерном и солнцем. Она мешала деревянной ложкой, любуясь, как на поверхности появляются пузырьки, как тесто становится гладким, послушным.

За окном разгоралось утро. Из небольшого оконца над мойкой открывался вид на их огород — гордость Виры. Грядки только готовились к посадкам: земля была перекопана, разровнена граблями, ждала своего часа. Кое-где уже зеленели первые всходы — то, что посадили с Лукой в первые же тёплые дни.

«Полюнь взошла», — довольно отметила она про себя, разглядывая пушистые серо-зелёные кустики у самого забора.

— Хорошо. Будет чем дом окуривать.

А вот капусту, морковку, лук и прочие овощи ещё только предстояло сажать — земля должна была прогреться как следует, а ночи всё ещё выдавались прохладные. Вира мысленно прикидывала, когда лучше заняться посадками, какие сорта посадить на солнечной стороне, какие в полутени.

В прошлой жизни, до встречи с Лукой, у неё не было своего огорода — только травы, что росли сами по себе в лесу. Теперь же она с удивительным удовольствием копалась в земле, наблюдала, как из маленьких семечек пробивается жизнь.

Целебные травы она планировала посадить отдельно, на самом солнечном участке — мяту, зверобой, душицу, ро-

машку. Семена уже лежали в кладовке, завёрнутые в чистую тряпицу, ждали своего часа.

— Ещё неделя-другая, — шепнула она, обращаясь то ли к себе, то ли к будущим всходам. — И можно будет сажать.

В печку полетели первые блины — шипели, пузырились, покрывались румяной корочкой. Запах свежей выпечки разнёсся по кухне, смешиваясь с ароматами трав и нагретой глины. Вира зажмурилась от удовольствия, вдохнула этот домашний, такой правильный запах — и на мгновение показалось, что всё тревоги позади и так будет всегда.

И только когда блины были готовы и все перекочевали на тарелку, Вира пошла проведать своего верного защитника.

— Доброе утро, — Вира подошла к волку, присела рядом, запустила пальцы в густую чёрную шерсть. — Ты чего такой хмурый?

Амарок долго молчал. Так долго, что она уже собралась повторить вопрос. Его сиреневые глаза, обычно живые и насмешливые, сейчас смотрели куда-то вдаль, сквозь стены, сквозь время.

— Непокойно мне, — наконец отозвался он, и голос его в её сознании прозвучал глухо, без обычной насмешливой интонации. — Всю ночь чуял что-то. Далеко, но идёт сюда.

— Что именно? — Вира насторожилась, пальцы замерли в шерсти.

— Не знаю, — волк поднял голову, и его сиреневые глаза встретились с её глазами. — Что-то тёмное. Опасное. Не

паладин, нет. Другое. Или... кто-то другой.

По спине Виры пробежал холодок, несмотря на тёплое утро. Она хотела ответить, но в этот момент на лестнице слышались шаги, и в горницу спустился Лука.

Заспанный, взлохмаченный, в одной льняной рубахе, на ходу потирал затёкшую шею. Он зевнул, потянулся, и рубаха задралась, открывая полоску рельефной кожи живота. За те месяцы, что они жили здесь, он перестал постоянно носить форму инквизитора, одевался просто — льняные рубахи, кожаные штаны, сапоги. И это ему шло. Даже слишком.

— Вы опять без меня обсуждаете мировые заговоры? — проворчал он, подходя и целуя Виру в макушку. — Чуть свет, а они уже каркают. — Он снова зевнул и потянулся.

— Амарок чувствует неладное, — Вира прижалась к нему на мгновение, но тревога уже поселилась под сердцем колючим льдом.

Лука сразу насторожился. Он вообще научился читать её с полувзгляда — по едва уловимому дрогу ресниц, по тому, как чуть сжимались её пальцы, по тому, как в глазах на долю секунды гас свет. Исчезла сонливость, глаза стали острыми, цепкими.

— Конкретнее?

— Я сам не пойму, — Амарок поднялся, отряхнулся, и шерсть его встала дыбом. — Смутное что-то. Но сильное. Тянется откуда-то издалека. Пахнет... пахнет Навью. И чем-то ещё. Чем-то древним, забытым. Словно кто-то тронул пе-

пел старого костра — и тот вдруг вспыхнул.

— Может, просто зверь какой забрёл? — Лука подошёл к окну, выглянул на улицу. — Лес рядом, всякое бывает. Вон, даже соловьи орут, будто с ума посходили.

— Зверя я бы сразу опознал, — фыркнул волк. — Это что-то иное. Неживое. Или... не совсем живое. Оно пришло из-за грани. И оно ищет. Не просто бродит — ищет, целенаправленно, как ищейка, взявшая след. И след этот ведёт прямо сюда.

Вира переглянулась с Лукой. Он нахмурился — в глазах мелькнула та ледяная настороженность, когда-то пугавшая её, а теперь ставшая родной. Он прислушался к чутью, не раз спасавшему ему жизнь, и чутьё завывало — тихо, на грани слышимого.

— Пора доставать руны, ведьма, — сказал он с командными нотками, от них она втайне млела. — Раз Амарок чует, значит, есть что-то.

Инквизитор посмотрел в окно, на безмятежный лес, застывший в предвечерней тишине, на мирный огород, на полынь, что зеленела у забора. Где-то там, за горизонтом, уже поднималась тьма. Он чувствовал это каждой клеткой, каждым нервом.

— Что бы это ни было, — тихо добавил он, оборачиваясь к ней, — нам придётся вмешаться.

Вира кивнула, подошла к своему алтарному уголку, она достала из заветного мешочка деревянные плашки. Они бы-

ли тёплыми от её рук, отполированными годами использования до шелковистой гладкости, и каждая хранила отпечаток её прикосновений, её сомнений и надежд. Вернувшись к столу, она рассыпала руны, закрыла глаза, сосредотачиваясь. Лука стоял рядом, молча, не мешая, но само его присутствие грело и придавало сил.

Первая руна, что выпала, была Турисаз — означало врата, прорыв, опасность. Тяжёлая, мрачная, она словно обожгла пальцы, оставив на коже ощущение ледяного прикосновения, будто сама тьма просочилась сквозь древесину. Вира на миг задержала дыхание, чувствуя, как по спине пробегает холодок — не от сквозняка, а от тяжести предзнаменования.

Вторая — Хагалаз — разрушение, неизбежность, град, что бьёт всё живое. Руна легла рядом, будто подчёркивая неотвратимость грядущего, и Вире почудилось, будто в комнате стало темнее, а воздух — гуще, словно сама реальность уже начала поддаваться надвигающейся буре.

Третья — Перт — тайна, судьба, что-то скрытое, что должно раскрыться, рок — **неотвратимый** и неизбежный.

Она выпала последней, будто ставя точку в этом мрачном пророчестве. И на мгновение Вире показалось, что в узоре на дереве мелькнули чужие лица — тени прошлого, которые так и не смогли раствориться во времени.

— Чёрт, — выдохнула она, собирая руны обратно, и пальцы её слегка дрожали

— Настолько плохо? — Лука положил руку ей на плечо,

сжал ободряюще.

— Не знаю, — Вира потёрла виски, пытаясь унять начинающуюся головную боль. Боль накатывала волнами, словно сама магия, которую она пыталась прочесть в рунах, сопротивлялась, царапая изнутри череп тонкой, но острой иглой. Перед глазами мелькали обрывки образов — тёмные коридоры, мерцающие символы. — Слишком туманно. Слишком много неизвестного. Но ясно одно: что-то приближается. И это что-то связано с прошлым. С чем-то, что мы считали законченным. Похороненным. Уничтоженным.

— Паладин, — тихо сказал Лука, и в горнице повисла тяжёлая тишина.

Вира вздрогнула, будто от удара.

— Думаешь? Но Амарок говорит, что не паладин...

— А почему нет? — Лука отошёл к окну, заложил руки за спину — привычный жест, когда он о чём-то напряжённо размышлял. — Мы вышвырнули его в межмирье, но не уничтожили полностью. Такие твари просто так не исчезают. У них всегда есть якорь.

Он смотрел в окно и пытался вспомнить что-то важное. И тут пазл сложился.

— Статуэтка, — выдохнула Вира, и в этот миг её осенило, словно кто-то резко распахнул ставни, впуская в комнату ослепительный свет. Она даже слегка покачнулась от внезапной ясности, от того, как идеально сошлись кусочки мозаики, которые до этого казались разрозненными и бессмыс-

ленными. — Та самая, что Захару паладин оставил. «Ликвидатор магии». Помнишь?

— Помню, ещё бы я забыл эту железную рожу. — Он помолчал, собираясь с мыслями, и голос его стал жёстче, ровнее, как сталь перед закалкой. — Ягунья тогда сказала: паладина призывали тёмные маги. Ритуал призыва всегда оставляет след. Материальный якорь, через который можно вернуться. И если эта статуэтка до сих пор существует...

Амарок поднял голову, и в его сиреневых глазах мелькнуло понимание. Его ноздри слегка подрагивали.

— Статуэтка до сих пор у Захара? — спросил он.

— Должна быть, — Вира уже натягивала сапоги. — Он говорил, что спрятал её куда-то. После того как нашёл в своём кабинете под столом, подальше, чтобы случайно не активировать. Вроде бы увёз в замок своего деда, в котором долгое время отказывался жить. Конечно, после истории с рыцарем в доспехах он передумал.

— Спрятал — не значит уничтожил, — жёстко сказал Лука, и в его голосе зазвенел металл, холодный и беспощадный. — Если тёмные начнут новый ритуал, статуэтка станет маяком. Паладин вернётся, и тогда...

— Тогда нам конец, — закончила за него Вира. — В прошлый раз мы едва справились. Еле живы остались. В этот раз он будет злее, умнее и готов к нашей магии. Он изучил нас, запомнил наши приёмы, наши слабости. И теперь у него будет преимущество.

— Едем к Захару, — решил Лука, уже на ходу застёгивая ремень. — Немедленно. Надо забрать эту проклятую вещь и уничтожить, пока не поздно. Сжечь, разбить, утопить в море — что угодно, лишь бы она больше не могла служить вратам.

Вира кивнула, застёгивая плащ поверх лёгкого платья. Весна весной, а ветер на коне ещё пробирает до костей, и лучше быть готовым ко всему — и к холоду, и к тому, что ждёт впереди. Она на мгновение задержала взгляд на алтарном уголке, на мешочке с рунами, на старых оберегах, которые столько раз помогали, и мысленно пообещала себе, что вернётся сюда. Обязательно вернётся.

Амарок поднялся, отряхнулся, и его шерсть встала дыбом — он тоже чувствовал, что время уходит, что каждая секунда на счету, и что впереди их ждёт не просто дорога, а испытание, которое может всё изменить. Его уши слегка подрагивали, ловя малейшие звуки, а взгляд был устремлён к двери, будто он уже видел ту дорогу, по которой им предстояло пройти.

— Я с вами, — сказал он. — Если там что-то тёмное, я почую раньше вас. И прикрою, если что.

Они вышли на крыльцо, и Вира на мгновение замерла, оглядывая свой дом. Красивый, светлый, с высокой крышей и резным коньком. Где-то в глубине сада заливался соловей — наглый, бесстрашный, будто дразнил людскую суету.

— Вернёмся, — тихо сказал Лука, будто прочитав её мысли. — Обязательно вернёмся. И доделаем всё, что задумали.

ли.— Знаю, — она взяла его за руку, сжала. — Поехали.

Они вскочили на коней, и Амарок, превратившись в угольного жеребца, понёсся рядом. Всадники скрылись за поворотом дороги, ведущей к замку, оставляя позади мирный дом, цветущий сад и иллюзию спокойной жизни.

Глава II. Та, что вернулась из темноты

Замок Бретенский встречал рассвет во всей своей величавой красе. Он возвышался на холме, окружённый тремя реками — Светлой, Холодной и Тихой, — и они блестели в утренних лучах как расплавленное серебро. Стены из белого камня, сложенные ещё прадедом Захара, за сотни лет потемнели лишь самую малость, приобретя тёплый, медовый оттенок. Башни взмывали в небо острыми шпилями, на них развевались стяги с родовым гербом — серебряный сокол на лазуревом поле. Над главной башней, самой высокой, всегда кружили птицы — то ли чайки с трёх рек, то ли духи, оберегающие этот род.

Вокруг замка, на сколько хватало глаз, раскинулись княжеские угодья. С одной стороны — бескрайние поля, где уже колосилась молодая рожь, колыхаясь на ветру как зелёное море. С другой — густой Старый лес, что подступал почти к самым стенам. Лес этот слыл таинственным и опасным, но именно в нём черпали силу местные знахарки, да и сама Вира когда-то собирала там редкие травы. За лесом, на западе, синели отроги Каменного Хребта, чьи вершины даже летом не снимали снеговых шапок, и в ясную погоду можно было

разглядеть, как они искрятся на солнце. Замок располагался глубже и дальше от границы главных врат, нежели резной терем Захара, который тот сжёг, не желая вспоминать о том, что произошло.

Сам замок жил своей жизнью. На внутреннем дворе уже хлопотали слуги, конюхи выводили лошадей, повара спешили в кухню, где вовсю топились печи, и откуда доносились умопомрачительные запахи свежего хлеба и томлёного мяса. Стражники на башнях перекликались, сменяя караул. Где-то во внутренних покоях уже проснулся князь — Захар в последнее время вставал рано, много занимался делами княжества. Говорили, что после всего пережитого он словно заново родился: больше времени проводил с народом, сам вникал в тяжбы, даже на охоту стал выезжать чаще, брав с собой простой люд. Всё дышало покоем, порядком, устоявшимся бытом.

А на околице, там, где лес подходил к самым полям, недалеко от пепелища терема, притулилась старая избушка. Та самая, где Вира жила до встречи с Лукой. Домик заметно постарел за эти месяцы: ставни покосились, наличники потемнели, крыша кое-где просела. Но в нём чувствовалась жизнь — не людская, иная. Говорили, что после отъезда ведьмы избушку облюбовали лесные духи: по ночам в окнах мерцал странный, мертвенно-бледный свет, а иногда слышался тихий смех или чьи-то шаги. Местные обходили то место стороной, но не боялись — знали, что зла оттуда не исходит.

Просто старый дом хранил память о той, что когда-то защищала эти земли. Иногда у крыльца находили подношения — кто ленту оставит, кто горшок молока, кто краюху хлеба. Духи принимали дары, и в округе всё было спокойно.

Три дня назад в замке отгремел праздник — день рождения князя Захара. Ему исполнилось тридцать пять лет — дата солидная для правителя, но князь держался молодцом. Отпраздновали на славу: столы ломились от яств, вино лилось рекой, а музыканты играли до самого утра. Захар, к всеобщему удивлению, был в отличном расположении духа — помолодел, разбурчался, много шутил и даже танцевал с дочерьми бояр, чем вызвал немало пересудов. Поговаривали, что князь наконец-то отошёл от тех страшных событий, когда паладин чуть всех не уничтожил.

Вира и Лука приехали на праздник загодя, дня за два. Вира помогала на кухне — за те месяцы, что прожила как княжеская невеста (пусть и бывшая), она неплохо изучила местные порядки и даже подружилась с поварами, которые, как и все слуги приехали за князем из терема. Ладомир, увидев её, всплеснул руками и тут же усадил за стол — отдохнуть, мол, ты не для того приехала, чтобы спину гнуть. Но Вира отмахнулась: ей нравилась эта суета, нравилось чувствовать себя частью чего-то большого и живого. Лука же почти всё время проводил с Захаром. Князь звал его то на совет, то на охоту, то просто посидеть вечером у камина с кубком вина. Они обсуждали новые доспехи для дружины, укрепление

стен, а заодно и политику — вести из-за моря приходили тревожные. Говорили, что в Промоке беспокойно, что старый император Константин совсем обезумел и чуть ли не каждый день жжёт костры, выискивая врагов.

Инквизитор закрыл глаза — и тьма прошлого накрыла с головой. Крики. Они всегда снятся ему. Женские, мужские, детские — высокие, срывающиеся на визг, полные такого нечеловеческого ужаса, что кровь стынет в жилах. Запах горелой плоти, что въедается в ноздри навсегда, от которого не отмыться никаким мылом. И лица — искажённые, залитые слезами, смотрящие на него сквозь пламя с последней, отчаянной надеждой, которую он тогда не умел замечать. Сердце сжалось в тугой, болезненный ком. Каждое лицо — чья-то мать, чья-то дочь, чья-то сестра. Такие же, как Вира. Лука слушал князя, хмурился, но молчал — его прошлая жизнь осталась за морем, и возвращаться туда он не собирался.

Встречались Лука и Вира лишь урывками. То она была занята с поварами, то Лука уезжал с князем на охоту, то их разрывали гости, желавшие познакомиться с легендарной парой — ведьмой, победившей паладина, и инквизитором, что ради неё отказался от всего. Кто-то смотрел с восхищением, кто-то с опаской, но все хотели хотя бы краем глаза увидеть тех, о ком по княжеству ходили легенды. Они переглядывались через зал, и в этих взглядах было всё: скука от праздности, усталость от людей и острое, жгучее желание остаться вдвоём. Особенно остро оно чувствовалось вечера-

ми, когда затихал пир, и они наконец оставались в отведённых им покоях. Но даже там их могли отвлечь — то слуга с неотложным делом, то гонец от Захара, то просто чей-то слишком громкий смех за стеной.

— Я соскучился, — шепнул Лука, когда они случайно столкнулись в тёмном коридоре на второй день праздника.

— Я тоже, — ответила она, и в её разноцветных глазах плескалась такая тоска, что у него сердце сжалось. — Ещё немного потерпи.

Он поцеловал её быстро, украдкой, и они разошлись — к своим обязанностям, к людям, к этому бесконечному празднику жизни, который почему-то не давал им побыть вдвоём.

На третий день, едва закончились официальные торжества, они уехали. Захар понимающе улыбнулся, хлопнул Луку по плечу и сказал: «Береги её». Ладомир махнул рукой с крыльца. Вира улыбнулась им на прощание, вскочила на коня, и они помчались прочь, обгоняя ветер, чтобы успеть домой до темноты. Ветер свистел в ушах, кони неслись во весь опор, и с каждой верстой приближался тот миг, когда они наконец останутся одни. Лука то и дело оборачивался на Виру, и в глазах его горело нетерпение. Она отвечала ему такой же улыбкой, и сердца их бились в унисон — быстро, радостно.

Они не знали, что в тот самый вечер, когда их силуэты скрылись за поворотом дороги, у ворот Бретенска появилась она.

Девушка стояла у распахнутых ворот, такая хрупкая и бледная, похожая на призрака. Светлые, почти белые волосы разметались по плечам, синее платье было тонким, не по погоде, и всё оно было в пыли и грязи — видно, долгий путь проделала. Лицо её, несмотря на усталость, было удивительно красивым — тонкие черты, огромные синие глаза, пухлые губы. Но в этих глазах, когда она поднимала взгляд на стражников, было столько отчаянной надежды и вместе с тем какой-то нечеловеческой пустоты, что даже суровые воины смягчились.

— Ты кто такая будешь? — спросил старший, но без обычной грубости.

Девушка вздрогнула, будто только сейчас заметила людей.

— Я... — голос её дрогнул, сорвался. — Я Злата. Мне нужно к брату. Он здесь служит, у князя. Ладомир. Скажите... скажите, он жив?

Стражники переглянулись. Ладомира знали все. Правая рука князя, доверенное лицо, человек, который никогда не отказывал в помощи.

— Жив твой брат, — ответил второй стражник, помоложе. — А ты... погоди-ка. Его сестра Злата утонула лет десять назад.

— Не утонула, — девушка покачнулась, и стражник едва успел подхватить её под руку. — Меня спасли... добрые люди. Долго лечили. А я ничего не помнила... совсем ничего. Только недавно память вернулась. Я домой хочу. К брату.

Пожалуйста...

Она всхлипнула, и у суровых вояк дрогнули сердца.

— Ладно, проходи, — махнул рукой старший. — Ладомир в замке. Скажешь, мы пропустили.

— Спасибо, — прошептала Злата и, шатаясь, побрела к замку.

Она шла по мостовой, и прохожие оглядывались на неё — такая худая, бледная, в лёгком платье посреди тёплого, но всё же не летнего дня. Но никто не решался заговорить. Что-то было в ней... странное. Неуловимо чужое. Может, в слишком прямой спине, когда она думала, что на неё не смотрят. Может, в тени, что на миг становилась гуще, чем положено. Злата шла, не замечая людей. Она смотрела вперёд, туда, где над крышами домов возвышались башни замка — белокаменные, величественные, уходящие острыми шпильями в бледно-голубое небо.

Девушка споткнулась о камень, едва не упала, удержалась, схватившись за чей-то забор. Пальцы впились в дерево, и на миг перед глазами всё поплыло — то ли от слабости, то ли от той боли, что преследовала её все эти годы. Где-то глубоко внутри, в самой тёмной глубине её существа, что-то дрогнуло. Усмехнулось. И в её синих, как ирисы, глазах на краткий миг вспыхнул тёмный, холодный огонёк с полярной синевой, покрывавший всю склеру. И моментально исчез, стоило кому-то из прохожих посмотреть пристальнее. Она выпрямилась, поправила платье и пошла дальше — к воротам

замка, к брату, к новой жизни, которая обещала быть такой светлой. А тени за её спиной сгущались, хотя солнце поднималось всё выше.

Ладомир в это время разбирал бумаги в княжеской канцелярии. Вечер выдался хлопотным — Захар с утра уехал на охоту, оставив гору наказов и прошений, и сказал, что заночует в охотничьем домике, а к его приезду всё должно быть готово. Слуга вздыхал, перебирал листы, когда дверь распахнулась без стука. Он обернулся и окаменел.

На пороге стояла девушка. Светловолосая, синеглазая, с лицом, которое он видел во сне тысячу раз. С которой разговаривал мысленно все эти годы.

— Злата... — выдохнул Ладомир и побледнел так, что бумаги выпали из рук.

— Братик, — голос её сорвался, и она бросилась к нему. Он поймал её, прижал к груди, и слёзы хлынули из глаз — впервые за много лет.

— Злата... Златочка... живая... — шептал он, глядя её по светлым волосам, не веря, боясь, что видение исчезнет. — Как же так? Мы же искали... я столько лет... по всему княжеству... по рекам, по лесам...

— Я помню только озеро, — всхлипывала она, уткнувшись ему в грудь. — Холод, темноту... а потом добрые люди. Старик и старуха в лесу. Они выходили меня, но память не возвращалась. Я только недавно... только сейчас вспомнила. И сразу к тебе. Прости, что так долго...

— Глупая, — Ладомир отстранился, разглядывая её заплаканное лицо, ощупывая, будто проверяя, настоящая ли. — За что прощать? Ты жива — это главное. Пойдём, пойдём скорее ко мне. Согреешься, поешь... Боги, ты же лёгкая, как пушинка!

Он подхватил её на руки — она и правда весила не больше ребёнка — и понёс вверх по лестнице, в свои покои, крикнув на ходу перепуганному писарчуку, чтобы передал всем в замке — готовить горячую воду и еду. Злата обвила его шею руками и спрятала лицо у него на плече. А сердце Ладомира билось, выскакивая из груди. Он не мог поверить своему счастью. Он теперь не один в этом мире.

Они говорили до поздней ночи. От ванны девушка отказалась до утра: во-первых, не хотела напрягать брата и прислугу; во-вторых, ей хотелось побыть с Ладомиром. Но когда время пошло за полночь, он бережно отвёл её спать в свободные покои, а сам пошёл к себе. Ладомир не спал всю ночь. Он сидел в кресле у окна, глядя, как за розоватой полоской рассвета просыпается замок, и всё не мог поверить. Та, кого он считал погибшей много лет назад, вернулась. Сестра. Живая.

В дверь тихонько поскреблись, и он вздрогнул. — Войдите.

Та приоткрылась, и в щель просунулась светлая головка. Злата — уже умытая, причёсанная, в чистом платье, которое служанки принесли ещё вечером, — смотрела на него

огромными синими глазами. Такими чистыми, такими родными, что у Ладомира сжалось сердце.

— Не спится? — спросила она робко.

— Тебе тоже? — Ладомир улыбнулся и похлопал по широкому подоконнику рядом с собой. — Иди сюда.

Она подошла, забралась на подоконник, поджав под себя ноги, и прижалась к его плечу, как маленькое дитя. Он обнял её, и сердце его наполнилось таким теплом, какого он не чувствовал много лет. Столько времени потеряно, столько лет они могли бы быть вместе, если бы не та страшная ночь у озера.

— Я боялась, что ты мне приснился, — прошептала Злата. — Что проснусь, а ты исчезнешь.

— Не исчезну, — твёрдо сказал Ладомир, прижимая её крепче. — Я теперь всегда буду рядом. Никуда тебя больше не отпущу.

Они помолчали, глядя, как солнце медленно поднимается над горизонтом, золотя верхушки башен. Где-то внизу уже просыпался замок — слышались шаги слуг, перекличка стражи, далёкий лай собак.

— Ладомир... — вдруг тихо сказала Злата, не поднимая головы. — Я вспомнила кое-что. За эти дни... вернее, за эти годы, пока меня не было... ко мне возвращались обрывки прошлого. А сегодня ночью я вдруг всё ясно увидела.

— Что именно? — осторожно спросил он.

— Маму... — она сглотнула, и голос её дрогнул, — я пом-

ню, как она лежала в постели, такая бледная... худая, и кашляла. Всё время кашляла. А я сидела рядом и держала её за руку. Она говорила, что всё будет хорошо, что она просто устала... А потом пришли чужие люди в чёрных длинных накидках и сказали, что она... что её больше нет.

Ладомир стиснул зубы до хруста. Он тоже помнил тот день. Чахотка. Страшная, медленная болезнь, что выпила мать за несколько месяцев. Он помнил, как Злата, совсем ещё кроха, сидела у постели и не понимала, почему мама больше не встаёт.

— Она очень тебя любила, — тихо сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты была её солнышком. Она всегда говорила, что ты вырастешь самой красивой девочкой в княжестве.

Злата шмыгнула носом, но сдержала слёзы.

— А отец? — спросила она, поднимая на него глаза. — Я помню его смутно. Как в тумане. Высокий, в доспехах... Он пах железом и лесом. И ещё у него были такие смешные усы...

Ладомир невольно улыбнулся. Отец действительно носил пышные усы и гордился ими.

— Отец погиб на войне, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Когда тебе было года три. Он защищал княжество от набега. Был хорошим воином. Лучшим в своей дружине. Князь Захар тогда ещё мальчишкой был, но запомнил его. Говорил, отец прикрыл отход, чтобы другие успели

уйти.

— Герой, — прошептала Злата.

— Герой, — подтвердил Ладомир.

Она помолчала, потом спросила тихо-тихо, почти неслышно:

— Ладомир... а я похожа на них?

У него сжалось сердце. Он повернулся к ней, взял её лицо в ладони, всмотрелся — в эти синие глаза, в тонкие черты, в ямочку на подбородке.

— Глаза у тебя мамины, — сказал он мягко. — Точь-в-точь. Такие же синие, васильковые. Помню, когда она смеялась, они прямо сияли. Как у тебя сейчас, когда ты улыбаешься.

Злата робко улыбнулась, и Ладомир почувствовал, как защипало в носу.

— А вот этот упрямый подбородок — отцовский, — продолжил он, проводя пальцем по её подбородку. — И ямочка. Он всегда говорил, что это признак упрямства. И что ямочка эта достанется кому-то из детей. Видно, тебе.

— Значит, я их немножко помню, — прошептала Злата.

Глава III. Семь дней до черты

Дорога до замка никогда не казалась такой длинной.

Вира вцепилась в поводья так, что побелели костяшки. Ветер хлестал по лицу, выбивая слёзы, но она не замедляла хода — только прищипоривала лошадь снова и снова. Рыжая кобыла, подаренная Захаром на новоселье, неслась как вихрь, чувствуя тревогу хозяйки.

Лука скакал рядом. Его вороной жеребец шёл ноздря в ноздрю с её лошадыю. Лицо инквизитора было напряжено, скулы заострены, глаза превратились в две ледышки.

Амарок, вернувшись в волчье обличье — так легче про скальзывать через кусты, — нёсся чуть впереди, прокладывая путь. Чёрная шерсть развевалась на ветру, сиреневые глаза горели решимостью. Иногда он оборачивался, проверяя, не отстали ли всадники, и снова устремлялся вперёд.

— Сколько ещё? — спросила Вира, перекрикивая свист ветра.

— Если так пойдём, через полчаса будем у ворот! — отозвался Лука.

Полчаса. Целых полчаса...

Мысли в голове неслись так же быстро, как копыта коней. Вира вспоминала ту статуэтку — маленькую, невзрачную, с виду безобидную, таящую в себе неконтролируемую силу.

Она помнила, что произошло, когда эта вещь появилась у Захара в кабинете. Лицо скривилось от обиды и злости. Не забыла, но вроде простила. Хотя можно ли простить такое? Потом артефакт пропал, но князь, осматривая свою комнату после боя, нашёл его. И боясь, что кто-то может воспользоваться этим страшным оружием, принял решение спрятать его в тайник. Статуэтку оковали серебром, положили в сундук с большими замками.

А теперь, если Амарок прав, тёмные уже начали новый ритуал. И статуэтка стала маяком, через так железная тварь может вернуться.

— Быстрее! — крикнула она, хотя кобыла и так выкладывалась по полной.

Лука только кивнул, впиваясь шпорами в бока своего жеребца.

Лес по сторонам дороги сливался в сплошную зелёную стену. Птицы замолкли, только ветер шумел в кронах, и копыта выбивали дробь по утоптанной земле. Где-то впереди показался просвет — выезд на равнину, откуда уже виден замок.

— Почти! — Амарок завыл, указывая мордой вперёд.

Башни Бретенска показались на горизонте — сначала макушки, потом стены, потом и весь замок, величественный, спокойный, ещё не знающий, какая опасность нависла над ним.

— Ещё немного, — выдохнула Вира.

Лука промолчал, но она чувствовала его напряжение — оно буквально вибрировало в воздухе между ними.

Они влетели в ворота, едва не сбив зазевавшегося стражника — тот не успел посторониться. Копыта коней звонко цокали по каменной мостовой, когда Вира и Лука въехали во внутренний двор замка. Время стремительно приближалось к обеду — солнце стояло высоко, заливая всё вокруг золотистым светом. У коновязи сустились слуги, кто-то тащил мешки с овсом, кто-то чистил сбрую, а на скамейке у стены дремал старый псарь, положив голову на сложенные руки.

Лука первым прыгнул с коня, помог спешиться Вире. Та огляделась, вдыхая знакомый запах — конюшни, свежего сена, нагретого камня и чего-то ещё, неуловимого, чем всегда пахнет обжитое место.

— Захар где? — крикнул Лука первому попавшемуся стрелку.

— Князь на охоту уехал, — ответил тот, шарахаясь от его вида.

— Гадость! — выругалась Вира.

— Идём, — тихо сказал инквизитор, беря её за руку.

Они уже направились к крыльцу, когда вдруг на втором этаже распахнулось окно. Из него высунулся Ладомир — взлохмаченный, красный от волнения, с сияющей улыбкой на лице. Таким Вира его никогда не видела.

— Вира! Лука! — заорал он так, что вороны слетели с крыши. — Вы приехали! Я сейчас! Сейчас бегу!

И окно захлопнулось с такой силой, что едва не вылетели стёкла.

Вира не удержалась — рассмеялась, напряжение немного спало. Лука покачал головой, но и его губы тронула улыбка.

— Ну, хоть кто-то здесь искренне рад, — пробормотал он.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, и Ладомир вылетел во двор. Он был в одной рубаше, наспех заправленной в штаны, волосы торчали во все стороны, но глаза горели таким неподдельным счастьем, что у Виры потеплело на душе.

— Виринея! Лука! — закричал он издалека. — Какая радость! Вы не поверите!

Ладомир нёсся к ним, его лицо светилось счастьем — отказать в минуте внимания было невозможно. Вира переглянулась с Лукой: статуэтка подождёт, лишь бы эти минуты не стали роковыми.

— Друзья мои! — Он подбежал, обнял Виру, потом Луку, снова Виру, опять чуть не сбил с ног Луку. — Как я рад! Как я рад! Вы не представляете!

— Что случилось? — Вира насторожилась, но глядя на Ладомира, что тревога отступила.

— Сестра моя! Злата! — Ладомир схватил её за руки, сжал. — Она вернулась! Живая! Представляете? Столько лет я думал, что она утонула, а она... она жива!

Вира почувствовала, как внутри всё оборвалось. Злата. Та самая девочка, которая провалилась в портал много лет на-

зад. Та, чьё тело так и не нашли, да и не могли бы. Та, чья смерть так и осталась загадкой.

— Это... чудесно, — выдавила она из себя, стараясь, чтобы голос звучал естественно. — Очень рада за тебя, Ладомир.

Лука, стоявший рядом, незаметно сжал её локоть — он тоже помнил эту историю. Вира рассказывала ему о той ночи, когда открылся портал, о тёмных тварях, о том, как Злату утащило в межмирье. Многие ведьмы помнили...

— Где она сейчас? — спросил Лука спокойно, без тени подозрения.

— Наверху, отдыхает после бани. Я её накормил, спать отправил, но она уже проснулась. — Ладомир замялся, потом выпалил:

— Пойдёмте, я познакомлю вас! Она так мечтает увидеть хоть кого-то из моих друзей!

Вира переглянулась с Лукой. Отказаться было невозможно — Ладомир светился таким счастьем, что разбить это сияние отказом было бы жестоко.

— Конечно, пойдём, — кивнула Вира. — А где Захар? Нам нужно с ним поговорить, дело срочное.

— Князь на охоте, — подтвердил Ладомир, ведя их по лестнице. — Но к вечеру вернётся, обещал. А пока... вот сюда, прошу.

Он распахнул дверь в светлую горницу, где у окна сидела девушка.

Злата была так сильно истощена, казалось, ветер слегка дунет, и её унесёт, как осенний лист, что у Виры кольнуло сердце. На ней было простое льняное платье, явно с чужого плеча, и она нервно теребила край рукава.

— Златочка, — Ладомир подошёл к ней, взял за руку. — Это мои дорогие друзья. Виринея, бывшая княгиня, та, что спасла мир, ты уже слышала о ней. А это Лука, её... возлюбленный. Они очень хорошие люди.

Злата поднялась, сделала шаг вперёд и вдруг поклонилась — низко, с уважением.

— Спасибо, что пришли, — сказала она тихо, с лёгким дрожанием в голосе. — Братик столько о вас рассказывал. Я... я так рада, что у него есть такие друзья.

Вира шагнула к ней, взяла за руки. Ладони у Златы были холодными, несмотря на баню, и какими-то странно гладкими.

— Здравствуй, Злата, — мягко сказала Вира. — Не нужно кланяться. Мы друзья твоего брата, значит, и твои тоже. Садись, рассказывай, как ты нашлась.

Злата опустилась на лавку, и Ладомир сел рядом, обняв её за плечи. Вира с Лукой расположились напротив.

— Я сама мало что помню, — начала Злата, теребя край платья. — Очнулась в лесу, в избушке у старика со старухой. Они сказали, что нашли меня у ручья, еле живую. Долго выхаживали. А я... я ничего не помнила. Ни кто я, ни откуда. Только иногда во сне снились озеро и холод.

Она вздрогнула, и Ладомир прижал её крепче.

— Старики были добрые, — продолжила Злата. — Не гнали, кормили, работой не перегружали. Но работы всё равно было много: огород, скотина, по дому. Я помогала чем могла. Жили бедно, но не голодали.

Ведьма молча смотрела на гладкие и нежные руки и гоняла мысль:

«Не вяжется вся эта история...»

— А как же память вернулась? — спросил Лука, внимательно глядя на неё.

— Не знаю, — Злата подняла на него глаза, и в них стояли слёзы. — Просто однажды утром проснулась и вспомнила. Всё сразу. Имя, брата, наше княжество, озеро... Я так плакала, так плакала! Старуха испугалась, думала, лихорадка. А я побежала к ним, рассказала. Они меня не держали, дали немного блинов в дорогу, и я ушла. Вот я и пришла. Пешком, почти месяц шла...

— Бедная моя, — Ладомир погладил её по голове. — Столько вытерпела.

Вира слушала и чувствовала, как в голове крутится тревожная мысль:

«Это невозможно».

Она помнила рассказ той ведьмы, что закрывала портал. Помнила, как та рассказывала, что портал захлопнулся, а твари успели утащить девочку. Вынести её в озеро не могли — портал был в воздухе, над водой. Тело должно было

остаться в межмирье или рассыпаться в пыль. А если её спасли... кто? И почему она ничего не помнила столько лет?

Но вслух она ничего не сказала. Только улыбнулась и спросила:

— А старики эти... как их звали? Где избушка стоит?

Злата на миг замялась, но ответила ровно:

— Дед Матвей и баба Глаша. А избушка... я не знаю, где это. Я ж без памяти была, не запоминала дорогу. А когда уходила, шла по солнцу, как старуха научила. Кажется, где-то западнее, за лесами. Там глухомань, люди редко ходят.

— Понятно, — кивнула Вира, решив пока не углубляться. Но доля недоверия в сердце была.

— А как вы здесь оказались? — спросила Злата, с любопытством разглядывая её. — Братик говорил, вы были княгиней, а теперь... в усадьбе живёте?

— Долгая история, — улыбнулся Лука, сжимая руку Виры. — Мы теперь обычные люди. Почти обычные.

— Почти? — Злата удивилась.

— Лука шутит, — мягко сказала Вира. — Мы просто хотим жить спокойно. Работать, растить культуру в саду, радоваться жизни.

— Это хорошо, — Злата улыбнулась, и в её улыбке было что-то детское, незащищенное. — Я тоже хочу жить спокойно. С братом. Надеюсь, князь позволит мне остаться?

— Конечно, позволит, — заверил Ладомир. — Захар добрый, он не прогонит.

За разговором время пролетело незаметно. Вира слушала Злату, вглядывалась в её лицо, в жесты, в интонации, и всё пыталась поймать ту фальшь, что должна была быть. Но девушка держалась естественно, рассказывала трогательно, плакала в нужных местах, смеялась застенчиво. Только одно не давало покоя: слишком гладкие ладони. И ещё — когда Злата потянулась за чашкой, рукав чуть задрался, и Вира заметила на запястье тонкий, бледный шрам, похожий на след от верёвки.

Но она промолчала.

— Ладно, нам пора искать Захара, — Лука поднялся, потянув Виру за собой. — Дело действительно срочное.

— Амарок уже отправился в лес, — вспомнила Вира. — Он найдёт князя быстрее гонцов.

— Тогда подождём у огня, — решил Лука. — Ладомир, проводишь нас в малую гостиную?

— Конечно, — слуга встал, но замялся, глядя на сестру.

— Иди, иди, — Злата улыбнулась ему. — Я тут посижу, отдохну. Дорога долгая была.

— Я скоро вернусь, — пообещал Ладомир и вышел с гостями.

В коридоре Вира обернулась к нему.

— Ладомир, я очень рада за тебя, правда. Но... ты сам веришь, что она просто так нашлась?

— А чему тут не верить? — удивился он. — Она же моя сестра. Я чувствую — она настоящая.

— Я не сомневаюсь, — мягко сказала Вира. — Просто будь осторожен. Столько лет прошло.

— Ты думаешь, она могла... измениться? — Ладомир побледнел.

— Я думаю, что мы все меняемся, — уклончиво ответила Вира. — Но если она твоя сестра — она тебя не предаст.

Они спустились в малую гостиную, где уже горел камин и был накрыт стол с лёгкими закусками. Ладомир усадил их и ушёл — ему не терпелось вернуться к сестре.

Захар влетел в замок, когда солнце уже клонилось к закату. Весь в пыли, с охотничьим луком за спиной, но улыбающийся — охота удалась.

— Вира! Лука! — воскликнул он, увидев их. — Вот это сюрприз! Только уехали к себе и уже соскучились? — говорил он с усмешкой, снимая с себя оружие.

— Надо поговорить, — коротко сказал Лука. В глазах мужчины читались упорство и волнение. — Срочно.

Захар нахмурился, но кивнул.

— Идём в кабинет. Только умоюсь с дороги.

— Амарок в лесу тебя искал, — сообщила Вира. — Ты его не встретил?

— Нет, — Захар покачал головой. — Видно, разминулись.

Ведьма удивлённо приподняла бровь — фетч снова пропал. В груди поселилось беспокойство.

Захар уже собирался идти и откинул рукой свой охотничий плащ, когда в коридоре показался Ладомир со Златой.

— Вот и князь, — прошептал слуга, а тот удивлённо посмотрел на хрупкую, полупрозрачную, как стеклянная ваза, юную девушку. — Князь, позвольте представить, — начал он громче. — Моя сестра, Злата. Вернулась домой после долгих лет.

Глаза Захара расширились ещё больше. Он хотел было возразить, что это не может быть его сестра, но вежливо кивнул девушке.

— Здравствуй, — сказал он просто. — Ладомир много о тебе рассказывал... — он сделал акцент на слове «рассказывал», давая понять, что знает о трагедии, случившейся много лет назад. — Добро пожаловать в замок, почувствуй себя как дома.

— Спасибо, князь, — Злата присела в поклоне, и в её синих глазах мелькнуло что-то — восхищение? Искра надежды? Вира не успела понять.

— Ладомир, устрой сестру, покажи замок, — распорядился Захар. — А мы с гостями обсудим дела. Потом, может, вместе поужинаем.

— Конечно, князь, — Ладомир поклонился и увёл Злату, шепча ей что-то на ухо.

Вира проводила их взглядом. Что-то в этой девушке было не так. Но что именно — она пока не могла понять.

«Надо попробовать наедине залезть в неё эмпатией», — мелькнула мысль.

— Идём, — Лука тронул её за плечо. — Время не ждёт.

Они вошли в кабинет, и Захар плотно закрыл за ними дверь.

— Ну, рассказывайте, — князь рухнул в кресло, устало потёр лицо. — Что за спешка? Я так понял, вы не просто в гости?

— Увы, — протянула с сожалением Вира, осматривая кабинет, чтобы убедиться — их никто не слышит.

— Статуэтка, — без предисловий начал Лука. — Та, что изображает паладина. Где она?

Захар замер, и краска схлынула с его лица. Он понял — дело дрянь.

— В подвале. В тайнике. А что? — спросил князь в надежде, что они просто интересуются и хотят перестраховаться.

— Амарок чует что-то тёмное, — Вира подошла ближе к столу и положила руки на цельный кусок дерева. — Мы думаем, это якорь. Через него паладин может вернуться.

— Да ну, — Захар попытался усмехнуться, но вышло неубедительно. — Мы же её запечатали. Серебром, сокрыли от глаз. Никто не знает о её существовании.

— Этого может быть недостаточно, — жёстко сказал Лука. — Если тёмные на той стороне начали ритуал, статуэтка станет маяком. Надо её уничтожить. Сейчас же.

Воцарилась тишина. Глава княжества будто перебирал все варианты в голове, нервно постукивая пальцами по массивному столу. Лука скрестил руки на груди и спокойно ждал, давая Захару самому оценить масштаб последствий. Вира,

громко вздохнув, будто выплёскивая нервный ком из груди, подошла к окну и посмотрела вдаль.

У леса переливалась в лучах заходящего солнца быстрая и широкая река Холодная... Вира задумалась, вспоминая.

Там, где Каменный Хребет поворачивал на запад, уступая место холмистым равнинам, раскинулось княжество Скарфия — суровый край, где небо почти всегда затянуто тучами, а ветры не стихают даже в самые тихие дни.

Главное сокровище этих земель — река Холодная. Она берёт начало высоко в горах, в ледяных расщелинах, куда даже летом не заглядывает солнце. Вода в ней никогда не прогревается — говорят, даже в самую жаркую пору, опустив руку в стремнину, чувствуешь такой холод, будто прикоснулся к самой смерти. Течение у реки быстрое, своенравное. Она точит камни веками, пробивает себе путь через скалы, а ближе к равнинам разливается широко, но не становится спокойнее — всё так же несёт свои ледяные воды в сторону Бретенска, где течение становится более покладистым, лёгким, и вода чуть теплее.

Именно по этой реке проходит граница между княжествами. Там, где Холодная вырывается из горных теснин, начинаются земли Бретенские — более тёплые, более приветливые, но вечно хранящие память о соседе.

Скарфия славится своими мастерами по камню и оружию — тамошние кузнецы умеют закалять клинки в водах Холодной, отчего сталь получается особенно прочной, с синеватым

отливом. Захар неоднократно заказывал у них обмундирование для своей дружины. Живут там люди суровые, немногословные, привыкшие полагаться только на себя. С Бретенском у них ровные, но прохладные отношения — как вода в их главной реке: без вражды, но и без особого тепла. Обычные взаимовыгодные торговые отношения.

В стародавние времена, говорят, через перевалы Скарфии проходили торговые пути в заморские земли, но после того как в горах объявились твари из Нави, купцы стали обходить эти места стороной. До сих пор местные жители обходят старые тропы и шепчутся, что по ночам в горах слышны шаги — тяжёлые, нечеловеческие, будто кто-то невидимый бродит среди скал, ищет проход в мир живых.

Вира усмехнулась. Она давно отправила всех тварей в Навь. Это была предпоследняя битва с Лукием — первым её фетчем, перед тем как он погиб. Девушка печально вздохнула: утрату она давно пережила, но внутри порой скребётся мёртвая боль, от которой никак не избавиться. Те земли были очищены, но страх, поселившийся в сердцах людей, заставляет их обходить эти места до сих пор. В этом свои плюсы — Вира точно знает, что там может побыть одна, всегда, как только пожелает.

— Идёмте, — резко выдернул он Виру из мыслей, и она вновь оказалась в этой реальности, где всё гораздо сложнее, чем страхи торговцев.

Он отпер потайной ящик в столе, достал связку ключей,

среди которых был один — старый, чугунный, с затейливой вязью. Вира заметила, как дрогнула его рука.

— Ни разу я туда не спускался, — признался Захар. — Ни разу после того, как его победили.

Они вышли в коридор, миновали лестницу, ведущую вниз, в те части замка, куда никого не пускали. Стены здесь стали толще, окна исчезли, факелы горели тускло, отбрасывая длинные, зыбкие тени. Пахло сыростью и временем.

— Эти подвалы ещё прадед мой строил, — пояснил Захар, звеня ключами. — Ходы тут на много вёрст. Часть завалена, часть уходит под реку Тихую. Говорят, там уже затопило. Хоть речушка не большая, но воды в ней много, особенно после зимы. А вот здесь...

Он остановился перед низкой кованой дверью, вставил ключ в замок. Тот повернулся с тяжёлым скрежетом, будто нехотя.

— Тайник за этой дверью. О нём даже мои люди не знают.

Они вошли в небольшую каменную каморку. В центре, на постаменте, стоял сундук, окованный железом и серебром, с вязью защитных оберегов по крышке. Захар отпер ещё один замок, поднял крышку.

Внутри, на чёрном бархате, лежала она.

Статуэтка была небольшой, с ладонь величиной, но от неё веяло такой древней, тяжёлой силой, что у Виры перехватило дыхание. Железный рыцарь в миниатюре — точная копия того, с кем они бились. В тусклом свете факела казалось, что

статуэтка шевелится, дышит.

— Это она, — выдохнул Лука. — Чую даже на расстоянии. Надо уничтожить.

— Попробуй мечом, — предложил Захар. — Если это просто железо...

Лука выхватил меч. Тот самый, с зелёными камнями, что прошёл с ним через всё. Размахнулся — и со всей силы обрушил клинок на статуэтку.

Искры брызнули во все стороны, ослепительные, как молнии. Звон стоял такой, что заложило уши. Вира зажмурилась, но, когда открыла глаза — статуэтка лежала на бархате целёхонькая. Ни царапины.

— Чёрт, — выдохнул Лука, рассматривая лезвие. На мече осталась выщербина.

— Дай я, — Вира шагнула вперёд, сосредоточилась. В груди отозвались камни — голубой обсидиан и драконий. Она направила силу в руки, ударила по статуэтке чистым, концентрированным огнём. Пламя лизнуло фигурку, но та даже не нагрелась. Холодная, чёрная, она будто насмехалась над ними.

— Ничего не берёт, — прошептала Вира, чувствуя, как страх сжимает сердце. — Магия проходит сквозь неё. Или отражается.

— Что делать будем? — Захар переводил взгляд с неё на Луку.

— Есть два пути, — Лука убрал меч в ножны. — Первый:

снова идти к Ягунье. Она знает о паладине больше всех. Может, подскажет, как уничтожить якорь.

— А второй? — спросила Ви́ра, хотя уже догадывалась.

— Второй: я еду в Промок. В архив инквизиции. Там должны быть записи о ритуале призыва, о том, как такие твари привязаны к нашему миру. Может, найдём способ разорвать связь навсегда.

— Нет, — вырвалось у Ви́ры раньше, чем она успела подумать. — Только не это.

— Ви́ра...

— Ты с ума сошёл? — она повернулась к нему, и в глазах её стоял ужас. — В Промоке до сих пор жгут ведьм. Если слухи о том, что ты живёшь со мной, дошли до тамошней инквизиции, тебя схватят в первый же день. А потом...

Она не договорила. Перед глазами встала картина: Лука в цепях, палачи с клеймами, костёр.

— Я не пущу тебя, — сказала она твёрдо. — Слышишь? Я лучше сама пойду к Ягунье. А ты останешься здесь. В замке. Обещай мне.

— Тогда я с тобой в Навь, — выплеснул он, как вулкан перед извержением.

— И это тоже нет! — Захар молча наблюдал за ними, не рискнув вставить ни слова. — Ты останешься, обещай. Я не знаю, что нас будет там ожидать, — продолжила она спокойнее. — Как в этот раз встретит тебя Яга.

Лука смотрел на неё долго. В его ледяных глазах плеска-

лась буря — борьба между долгом и любовью, между желанием защитить и страхом за неё.

— Обещаю, — наконец выдохнул он. — Я останусь. Буду ждать тебя здесь. Но если ты не вернёшься через семь дней — я пойду за тобой хоть в Навь, хоть к чёрту на рога.

— Вернусь, — прошептала Вира, прижимаясь к нему и на мгновение уступая слабости. — Я обязательно вернусь.

Лука прижал её к себе, как самую дорогую во всём мире драгоценность.

Захар деликатно кашлянул, и парочка посмотрела на него, немного смущаясь.

— Я распоряжусь, чтобы подготовили всё для перехода, — сказал князь. И посмотрел на неё всё с той же любовью, что и раньше. Но теперь она была не как любовь мужчины к женщине, а как к дорогому другу, сестре. — Вира, будь осторожна. Мы тебя очень ждём.

Она кивнула, отстранилась от Луки и посмотрела на статуэтку, что лежала в сундуке, насмешливо поблёскивая в свете факелов.

«Я узнаю, как тебя уничтожить, — пообещала она. — Клянусь».

Глава IV. Неприветливая Навь

Ночь опустилась на замок тяжёлым чёрным пологом. Луна спряталась за тучами, даже звёзды не мерцали — будто сам небосвод затаился в ожидании.

Вира стояла во внутреннем дворике, там, где каменные плиты были свободны от стражи и слуг. В одной руке она сжимала атам, а в другой — шерл.

Лука появился бесшумно. Обнял со спины, прижался щекой к её мягким волосам, вдохнул знакомый запах — полынь, мёд и что-то неуловимо родное.

— Всё ещё надеюсь отговорить тебя, — глухо сказал он, и голос его дрогнул.

— Знаю. — Она повернулась в его руках, заглянула в глаза. — Но ты же понимаешь — нельзя иначе.

— Понимаю. — Он провёл ладонью по её щеке, задержался на скуле, будто пытался запомнить каждую черту. — И от этого ещё паршивее.

— Семь дней, — напомнила она. — Всего сутки в Нави. Я вернусь раньше, если получится.

— Если не вернёшься — я приду за тобой. — В его голосе не было пустой угрозы, только сталь, закалённая годами потерь. — В Навь, в пекло, куда угодно. Найду и вытащу.

— Знаю, — улыбнулась она, хотя улыбка вышла грустной.

— Потому и люблю.

Он поцеловал её — крепко, отчаянно, с такой болью, будто в последний раз. В его руках она чувствовала себя и хрупкой, и несокрушимой одновременно. А когда отпустил, в глазах его блестела влага, которую он даже не пытался скрыть.

— Береги себя, ведьма.

— Ты тоже, инквизитор.

Вира отступила на шаг, подняла атам. Тонкое лезвие описало в воздухе круг, и шерл в её руке запульсировал сильнее, горячее. Воздух задрожал, пошёл рябью, будто сама реальность нехотя расступалась. В центре круга распахнулся проход — мутный, зыбкий, полный теней, которые тянулись к ней скрюченными пальцами.

— Я вернусь, — пообещала она ещё раз и шагнула внутрь, не оборачиваясь. Боялась, что если обернётся — не сможет уйти.

Портал схлопнулся за ней с глухим, мокрым всхлипом, оставив Луку одного в ночи с дурным предчувствием в горле. Ему было паршиво. Чутьё, редко когда обманывавшее его, подсказывало — они уже не увидятся. Он старался отогнать эти мысли, переключиться на доброе, на то, что они справятся как всегда. Но не мог. Стоял на пустом дворе, глядя туда, где только что был проход, и сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони до крови.

Переход пронёс Виру через мглу и горький, обжигающий

туман. Через мгновение, как ей казалось, она шагнула на болотистую землю. Но само перемещение заняло полтора дня в мире Яви — она знала это по прошлому разу, но каждый раз чувство было одинаково омерзительным: будто её вывернули наизнанку и собрали заново.

Навь встретила её криком.

Не тишиной, как в прошлый раз. Диким, многоголосым воем, от которого закладывало уши и стыла кровь в жилах. Вира замерла на границе, вглядываясь в сумрак, и сердце её пропустило удар, а потом забилось где-то в горле.

Лес, который она помнила спокойным и величавым, теперь полыхал. Нет, не огнём — тьмой. Она клубилась меж стволов, стелилась по земле, поднималась к небу чёрными щупальцами, которые хлестали воздух, будто искали добычу. Там, вдалеке, что-то ухало, стонало, скрежетало — так, будто сама реальность рвалась на части с мясом.

А по земле, по мху, по корням, поверх камней и поваленных деревьев текла река. Река мёртвых.

Они шли. Тысячи, десятки тысяч — полуразложившиеся трупы, скелеты в лохмотьях, существа, не виданные ею никогда и видеть не хотелось. Гниющие лица с проваленными глазницами, руки, тянущиеся к низкому, свинцовому небу, пасти, полные червей и какой-то чёрной жижи. Они двигались медленно, но неумолимо, волоча ноги, спотыкаясь, падая и поднимаясь вновь. И все — в одну сторону. Туда, где ткань мироздания истончалась до предела, просвечи-

вая алым.

— Что за хрень? — прошептала Вира, хотя ответ знала ещё до того, как задала вопрос.

Она окинула взглядом округу, приняхалась — и её едва не вывернуло. Смерд тухлых яиц, горелой плоти, тлена и чего-то липкого, приторно-сладкого, нечеловеческого. Так благоухает лишь божественное разложение. Лишь древняя тьма, заставшая рождение светил.

— Чернобог, — выдохнула она, и имя обожгло губы.

Это мог быть только он. Древний бог тьмы, извечный враг Велеса, тот, кто вечно пытался прогрызть полотно реальности, прорваться в мир живых, накрыть всё своей чёрной, ледяной тенью.

Вира прижалась к стволу кривой, обгоревшей берёзы, пропуская мимо себя одну из таких процессий. Рядом, в двух шагах, проковыляло существо, похожее на гиену, но размером с лошадь. Глаза горели зелёным, из пасти капала чёрная слизь, прожигая землю. За ним — ещё одно, и ещё. Стая. Одна из тварей остановилась, повела носом, повернула голову в ту сторону, где замерла Вира.

«Если заметят — разорвут на куски», — поняла она и зажала рот рукой, чтобы не закричать. Тварь зашипела, зелёные глаза уставились прямо в её душу. Мгновение — бесконечно долгое, полное ледяного ужаса. А потом чудовище развернулось и побрело дальше, увлекаемое неведомой силой к той самой алой ране.

Вира выдохнула, не веря своему спасению.

Нужно было идти. К избушке Ягуны. Там, на границе, где ещё держалась старая, могучая магия.

Она двинулась вперёд, стараясь держаться тени, обходить тварьи тропы. Но чем дальше, тем хуже становилось. Воздух вокруг звенел от напряжения, как струна перед разрывом. Каждый шорох заставлял сердце замирать, каждый вздох казался слишком громким.

Мимо проползло нечто, похожее на огромную гусеницу, составленную из человеческих лиц — мёртвых, живых, детских, старческих — все они шевелились, моргали, открывали рты в беззвучном крике. В двух метрах проковылял скелет в доспехах многовековой давности, волоча за собой ржавый меч, оставляя в земле борозду. Сверху раздался дикий, режущий слух крик — над головой пронеслась стая птиц с бараньими черепами вместо голов. Или не бараньими? Вира не стала всматриваться.

Она бежала, спотыкаясь о корни, падала в холодную, вонючую жижу, поднималась и снова бежала. Вся перепачкалась, расцарапала лицо и руки, волосы слиплись в грязные сосульки. Мёртвый лес гудел, стонал, дышал ей в спину сотнями гнилых глоток.

И вдруг — тишина. Абсолютная, звенящая, что заложило уши.

Она вывалилась на поляну, где стояла знакомая избушка на курьих ногах, и рухнула на колени, хватая ртом воздух,

будто рыба, выброшенная на берег. Вокруг неё, метрах в десяти, проходила невидимая граница. За ней кишели твари — гиены, волки с горящими глазами, полусгнившие люди, какие-то чудовищные насекомые, переплетённые тела. Но ни один не смел переступить эту черту. Даже не приближался.

— Явилась, — раздался знакомый скрипучий голос.

Ягунья стояла на крыльце, подбоченившись, и смотрела на неё с непонятным выражением — вроде и рада, а вроде и зла на весь мир. В руках старуха держала дымящийся котелок, из которого доносилось бульканье и дохнуло чем-то травяным, живым — таким нереальным в этом царстве смерти.

— Вставай, чего разлеглась. Не на курорте.

Яга развернулась и зашла в избу, хлопнув дверью.

Вира поднялась, шатаясь, как пьяная, подошла к крыльцу, ухватилась за перила и перевалилась через порог.

В избе кудесили тонконогие существа — Веточки. С виду они походили на людей, но тела их были сплетены из ветвей: осины, берёзы, дуба, рябины. Кора переливалась в тусклом свете, местами покрываясь свежей листвой, местами — седым мхом. Вместо голов у одних красовались птичьи гнёзда, из которых торчали любопытные чёрные глазки-бусинки; у других — жёлтые цветы, похожие на мать-и-мачеху, что мягко светились изнутри.

Они хватали склянки с травами, жидкостями, какими-то сыпучими веществами, что искрились даже в тусклом свете, и смешивали между собой в пробирках. Из последних то и

дело то дым валил, то фиолетово-багровые брызги разлетались во все стороны. Капли падали на земляной пол и в мгновение ока из них собирались мелкие существа — некие дети Навной алхимии. Их задача была проста и важна: укреплять защиту вокруг избы и расширять её, метр за метром отвоёвывая у мёртвого леса живую землю.

— Ягунья... что здесь происходит? — голос Виры сел, прозвучал чужим, хриплым.

— А сама не видишь? — старуха сплюнула в угол, туда, где стояла площадка с углями. — Чернобог взбесился. Собрал всю нечисть, что была, и грызёт полотно. Хочет прорваться в мир живых. Велес с другими его сдерживают, но силы не равны. Старый бог силы копил века, а наши... наши всё больше по лесам да по гнёздам.

— Это из-за статуэтки? — выдохнула Вира, чувствуя, как ледяной ком подкатывает к горлу.

Ягунья вскинула на неё острый, цепкий взгляд — такой, от которого хочется спрятаться.

— Какой статуэтки?

— Та, что паладин оставил. Якорь. Мы не можем её уничтожить. Ни меч, ни магия не берут.

— Ах, вот оно что... — Ягунья покачала головой, и лицо её стало серьёзным, почти печальным. — Ну, садись, рассказывай. Только коротко, времени у нас — кот наплакал.

Внутри избышки было тепло и тесно. Пахло травами — мятой, зверобоем, чем-то горьковатым и терпким, — вос-

ком, старой кожей и чем-то неуловимо домашним: свежеиспечённым хлебом, только что из печи, да парным молоком. Веточки почтительно расступились, шелестя ветвями, и освободили дорогу к столу. Ягунья усадила Виру на лавку, сама плюхнулась напротив, поставила перед ней глиняную кружку с дымящимся отваром — тёмно-зелёным, густым, с алыми прожилками,

— Пей. Придёшь в себя. Не отравлю, не боись.

Вира послушно сделала глоток. Горечь обожгла горло, растеклась по пищеводу теплом, а следом пришла странная лёгкость — силы начали возвращаться, ссадины затягиваться, туман в голове рассеиваться.

— Ягунья, эта статуэтка — её не берёт ни меч, ни магия. Лука думает, что через неё паладин может вернуться. А теперь ещё и это... — она кивнула в сторону окна, за которым выл, корчился, бился в конвульсиях мёртвый лес. — Ты говорила, Чернобог... Может, это связано?

Ягунья молчала долго. Мешала что-то в котелке длинной деревянной ложкой, бормотала себе под нос древние, шипящие слова, и от варева поднимался густой, пряный пар, в котором проступали странные тени — лица, фигуры, картины того, что происходит за пределами избы. Веточки разошлись по углам и прижались к стенам спиной, будто старались стать незаметнее.

— Связано, — наконец сказала она, и ложка замерла. — Ещё как связано. Статуэтку эту сам Чернобог создал. Для

него паладин — слуга, оружие, пешка на доске. Через него он хотел магию в мире живых уничтожить, чтобы потом самому прийти, когда защита падёт. Не осознаёт, старый пень, что его игрушка весь мир уничтожит, если воли ей дать. Тьма слепа, касатка. Всегда была.

Вира похолодела. Пальцы, сжимавшие кружку, побелели.

— Значит, если статуэтка не уничтожена, он может открыть проход?

— Может, — кивнула Ягунья, и глаза её потемнели, стали глубокими, как колодцы. — И судя по тому, что творится в Нави, он уже начал. Чуешь, как твари взбесились? Это они готовятся. Как только проход откроется — хлынут в ваш мир. Всей этой гнилой рекой.

— Как её уничтожить? — Вира подалась вперёд, едва не опрокинув кружку. — Ты знаешь? Должна знать.

Ягунья посмотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом, в котором читалось что-то похожее на жалость.

— Знаю, — сказала она негромко. — Но тебе не понравится.

— Говори.

— Чтобы уничтожить то, что создал Чернобог, нужна частичка его самого. Его сила. Его кровь, если хочешь, или его магия. — Ягунья помешала зелье, и в котелке на миг проступило лицо — искажённое, тёмное, с горящими алыми глазами, с кожей, покрытой чёрными прожилками. — Только ею можно погасить его печать. Другая магия против неё — как

вода против камня.

— Где мне взять его кровь? — Вира чувствовала, как внутри закипает отчаяние, смешанное со страхом. — Или его магию? Я не бог, Ягунья. Я всего лишь ведьма.

— А ты не догадываешься? — усмехнулась старуха, но усмешка вышла кривой, невесёлой. — В его царстве. В Чёрной Бездне. Там, где он сам. Или...

Ягунья замолчала, будто раздумывая, говорить или нет.

— Или? — Вира вцепилась в край стола.

— Или найти тех, кто уже нёс его печать. Тех, в ком осталась капля его тьмы.

Вира закрыла глаза. Перед внутренним взором встали картины: лес, избушка, старая знахарка с потемневшими глазами. А потом — замок. Девушка с синими глазами и слишком гладкими ладонями. Слишком правильной улыбкой. Слишком живая для той, кто провёл десять лет у мертвецов.

— А Владыка? — хрипло спросила она, хватаясь за последнюю надежду, даже самую безумную. — Велес? Он может помочь? Он же бог — сильнее Чернобога?

— Велес-то... — Ягунья вздохнула тяжело, по-старушечьи, и опустилась на лавку напротив. — Увы, касатка, у богов свои законы, что старше нас с тобой. Кровь одного Бога не может пролиться от руки Другого — Праотец всех тогда уничтожит и тех, и других. И не будет ни вас, ни нас. Ни мира. Ничего. Пустота.

Вира опустила голову, понимая. Вспомнила рассказы бабки-ведуньи, что в детстве учила её первым заклинаниям. О Великом Правиле, что держит богов на привязи, не давая им уничтожить друг друга и вместе с собой — всё сущее.

— Я поняла, — сказала она тихо, поднимая глаза. В них уже не было отчаяния — только холодная, злая решимость. — Значит, мне нужно идти к Чернобогу. В его логово. Или найти того, кто носит в себе его печать.

— Да погоди ты, касатка, — перебила её старуха, выставив вперёд сухую, узловатую руку. — Лукий так и не научил тебя ждать, а?

Удар был болезненный. Вира вновь вспоминала первого фетча — его мурчание, его преданность, его жертву. В груди заныло. Но она молча наблюдала, как старая ведьма сыплет странные порошки в котёл — одни искрятся золотом, другие дымятся чёрным, третьи и вовсе шипят, будто живые.

— Кость оленя, частичка рога единорога и зуб невинно убитой молодой ведьмы, — пояснила Яга, помешивая варево, и Вира поморщилась, представив, как старуха собирала эти компоненты. Особенно последний.

— Ага, — протянула старая, заметив её гримасу. — Касатка, смотри.

Она поднесла ложку к самому лицу Виры. На серебристом изгибе проступил образ — мутный, зыбкий, но узнаваемый. Хрупкий женский силуэт. Светлые, почти белые волосы. Синие глаза.

Вира нагнулась, вглядываясь, и узнала.

— Злата, — выдохнула ведьма, и имя это прозвучало как приговор.

В висках забил пульс — быстрее, быстрее, будто сердце переселилось в голову. Осознание накрыло ледяной волной.

«Она сейчас в замке. Рядом с её близкими. С Лукой. С Ладомиром, считающим её сестрой и готовым за неё жизнь отдать».

Вира чувствовала, что что-то не так, с первой минуты. Чувствовала — и всё равно оставила их. Ушла в Навь, бросила под боком у твари в человеческом обличье. Сердце билось так сильно, словно оно сейчас сломает рёбра.

— Знаешь сие существо? — Ягунья намеренно не назвала девушку человеком. От человека у неё была лишь оболочка — тонкая, хрупкая, как яичная скорлупа, за которой скрывалось нечто иное.

В этот момент в котле что-то изменилось. Тонкое, худенькое тело обернулось, будто почувствовало, что за ним наблюдают. Лицо исказилось — оскалило зубы, острые, нечеловеческие, и глаза покрылись синей, мутной, как зимняя полынья, дымкой. Существо махнуло рукой — и обе женщины отлетели от котла, ударившись о стены.

— Да, я точно права — это она, — проскрипела старая, скрипя костями, стала подниматься с пола и потёрла поясницу. — Хорошо, что она через котёл нас ударила, иначе маловероятно, что мы отделались бы лишь ушибами. Сильна,

гадина.

— Лука... — сердце Виры билось где-то в горле. — Ягунья, все в большой опасности. Мне надо срочно идти. Сейчас же.

Она уже вскочила, готовая бежать обратно, через мёртвый лес, через тварей, через всё, что встанет на пути.

— Боюсь, касатка, эта девица — не просто так вернулась, — остановила её Ягунья, и голос её стал жёстким, как сталь. — Если Чернобог начал шевелиться, его слуги тоже в игру вступают. Мороки насылают, умы туманят, личины примеряют чужие. И если она уже в замке...

— Захар, — перечислила Вира, загибая пальцы, и каждый палец отзывался болью. — Ладомир. Лука. Все, кто там есть. Слуги, стражники, женщины, дети.

— Лишь бы не поздно было, — жёстко сказала Ягунья, подходя к ней вплотную. — Она не даст больше посмотреть — я и так через силу, через кровь. Идти тебе придётся быстро. Очень быстро

Глава. V Волчья ноша

Захар стоял у окна, глядя на пустынную дорогу, уходящую в лес. Вира ушла прошлой ночью, растворилась в портале, оставив после себя лишь лёгкий запах озона и тревогу, поселившуюся под рёбрами. Там, где она только что стояла, теперь зияла пустота, и эта пустота давила на грудь тяжёлым камнем.

Весь следующий день они с Лукой разрабатывали план на случай возвращения паладина. Просидели над картами и свитками до ломоты в спине, до рези в глазах, пока свечи не оплыли наполовину. Перебрали десяток вариантов — от отчаянных до самоубийственных — и приняли единственно правильное, как им казалось, решение: спрятать статуэтку.

— Но сделать это должен кто-то очень надёжный, — Лука потёр переносицу, разглядывая очередной чертёж. — Сильный. Юркий. И чтобы тварь не учуяла.

— Амарок, — кивнул Захар. — Только он.

— Только он, — согласился Лука. — Волк умён, хитёр, прожил не один век. Если кто и сможет обвести тёмных вокруг пальца — то только он.

— Где он сейчас?

— Я видел его в саду. Как увижу, направлю к тебе.

Князь кивнул.

Остаток дня они посвятили изучению карт Промока — на

тот случай, если Ягунья не поможет и придётся искать ответы в империи. Над картами просидели почти всю ночь, споря до хрипоты и толкая друг друга локтями, когда каждый пытался доказать свою правоту.

— В инквизиторской библиотеке должны быть упоминания, — Лука водил пальцем по пергаменту, испещрённому пометками. — Я сам видел однажды старые свитки. Там есть раздел о призывах.

— А я тебе говорю, — Захар упрямо наклонился над другой картой, — если Константин причастен, он бережно хранит все свидетельства у себя. В личном архиве. Такие вещи не доверяют библиотекарям.

— Да кто тебя пустит в личный архив императора?

— А кто тебя пустит в библиотеку инквизиции? Ты теперь для них предатель и ведьмин любовник.

— Ну спасибо, — хмыкнул Лука. — Напомнил.

Захар фыркнул, откинулся на спинку кресла.

— Ладно, — сказал он устало. — Утро вечера мудренее. Дождёмся Амарока, там и решим.

Они разошлись по своим покоям уже далеко за полночь, унося с собой груз сомнений и тревог.

Лука толкнул тяжёлую дубовую дверь и шагнул внутрь. Здесь ничего не изменилось с тех пор, как он покинул эту комнату, переехав с Вирой в новый дом. Тот же широкий стол, заваленный картами, те же полки с книгами по военному делу и демонологии, тот же витраж в стрельчатом ок-

не, расписанный ещё отцом Захара. Лунный свет пробивался сквозь цветные стёкла, разбрасывая по полу причудливые блики — белые, серебряные, синие.

Лука опустился в кресло, провёл рукой по столешнице. Здесь он провёл столько часов, разрабатывая стратегии, изучая донесения, готовясь к битвам с тёмной ведьмой. Казалось бы, целую жизнь назад.

Мысли его были в Нави, где должна была быть Вира: всё ли с ней в порядке, чувствует ли она его поддержку, знает ли, что он думает о ней каждую секунду?

— Глупости, — прошептал он, отгоняя мрачные мысли. — Она сильная. Она справится.

Но тревога не уходила. Слишком многое навалилось разом. Вира в Нави, пропавшая сестра Ладомира, паладин, готовый вернуться... А ещё это странное чувство, что за ним кто-то наблюдает. Не враждебно, но настойчиво. Будто изучает.

Он откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза.

— Надо проветриться, — решил Лука, поднимаясь.

Он вышел в коридор и побрёл без цели, разглядывая знакомые гобелены, тяжёлые двери покоев, витые лестницы, уходящие вверх. Ноги сами принесли его в жилое крыло, туда, где поселили Злату.

И тут он наткнулся на неё.

Девушка стояла посреди коридора, растерянно оглядываясь по сторонам. Светлые волосы растрепались, льняное пла-

тье сбилось набок. Увидев Луку, Злата вздрогнула, и глаза её сделались неестественно испуганными.

— Ой! — пискнула она. — Я не знаю, куда идти.

— Заблудилась? — Лука остановился, стараясь, чтобы голос звучал мягко. Несмотря на все подозрения, перед ним была всего лишь хрупкая девушка.

— Ищу кухню, — виновато сказала Злата. — Пить очень хочется, а брат уснул. Будить жалко — он так устал за эти дни.

— Кухня в другом крыле, — Лука махнул рукой в сторону лестницы. — Спустишься вниз, повернёшь налево, пройдёшь мимо кладовых — услышишь запах. Дальше не ошибёшься.

— Спасибо, Лука, — Злата улыбнулась чисто, открыто, по-детски, и побежала в указанном направлении.

Лука смотрел ей вслед, и что-то внутри него щемило. Такая худенькая, незащищённая... Как она выжила? Кто те люди, что спасли её?

— Слишком хорошо играет, если это игра, — прошептал он, возвращаясь в покои.

Новый день вполз в замок несмело, будто крадучись. Солнце поднялось над горизонтом, но свет его казался каким-то неживым — бледным, размытым, словно за плотной пеленой облаков. Оно освещало двор, башни, стены, но не грело. Тени лежали длинные, густые, и в них чудилось движение.

Воздух стоял неподвижно. Ни дуновения — даже флюгеры на башнях замерли, будто прислушивались к чему-то. Птицы не пели. Собаки на псарне жались по углам и тихо скулили, не понимая причины своего страха.

Над замком нависло напряжение — густое, липкое, как паутина. Его чувствовали все: стража на стенах то и дело вглядывалась в горизонт, слуги перешёптывались, кони беспокойно били копытами в стойлах.

Захар вышел на крыльцо, вдохнул утренний воздух и поморщился — пахло грозой, хотя небо было чистым. Пахло чем-то чужим, вторгшимся, тому, чему не место в этом мире.

— День будет долгим, — сказал он подошедшему Луке.

Тот кивнул, глядя на лес, что темнел на горизонте.

— Главное, чтобы не последним.

— Не нравится мне всё это, — пробормотал Захар, не оборачиваясь.

Лука сидел в кресле у камина, вертел в руках пустой кубок. Под глазами залегли тени — он не спал всю ночь, прислушивался к каждому шороху, ждал, что Вира вернётся раньше. Но умом понимал — невозможно, а надежда отзывалась болью.

— Мне тоже, — глухо отозвался он.

Захар резко обернулся, подошёл к столу, хлопнул ладонью по столешнице.

— Значит, так. Усилить охрану замка вдвое. Особенно

подходы к подземелью.

— Уже распорядился, — кивнул Лука. — Люди расставлены, смены удвоены.

— Этого мало. — Князь заходил по кабинету. — Надо отправить гонца к Феликсу. Пусть будет настороже. Если статuetка — не просто якорь, а что-то большее, удар может прийти откуда угодно.

— Я пошлю лучшего.

Захар остановился, положил руку ему на плечо.

— Ты сейчас нужен здесь. Как воевода. И как друг. — Он помолчал. — Она вернётся, Лука. Я знаю.

— Знаю, — эхом отозвался Лука. — Но ждать тяжелее всего.

Захар устало опустился в кресло, прикрыл глаза.

— Ладно. Продолжим про Промок.

Лука ехидно приподнял уголок губ — спорить с князем ему очень понравилось, и упустить такой шанс он не мог. Это немного отвлекало, да и можно утереть Великому Князю нос своими знаниями географии. Он подошёл к столу.

— Всё же, Великий Князь, я уверен, что документы найду именно в библиотеке инквизиторов!

Захар сразу понял, что воевода хочет отвлечься таким нехитрым способом, и поддержал дискуссию с лёгкой ухмылкой.

Солнце уже достигло зенита, когда двое согласились, что искать всё же надо не в библиотеке, а в архиве Константина.

Захар победно улыбался, а Лука, признавая поражение, наигранно начал кланяться мудрости князя. Тот замахал руками, требуя прекратить цирк.

Чуть позже они размышляли, как Луке попасть в архив императора и вернуться живым.

— Князь... воевода, — прервал их тихий голос служанки.
— Обед подан.

— Спасибо, — протянул Захар. — Идём, нам надо отдохнуть.

Стол ломился от яств — повара расстарались, словно пытались едой заглушить общую тревогу. Захар сидел во главе и нервно ковырял ножом в тарелке — кусок в глотку не лез. Лука занял место напротив, рассеянно мешая жаркое.

Ладомир сутился вокруг, подливал вино, пододвигал тарелки, но то и дело поглядывал на дверь. Там, наверху, спала Злата, и мыслями он был с ней. Она не захотела обедать, сославшись на сильную усталость и недомогание. Когда Ладомир предложил позвать лекаря, та категорично отказалась: «Не доверяю я им». И Ладомир не стал расспрашивать, а просто тихо ушёл.

Агния принесла очередное блюдо — пирог с рыбой, ещё горячий, исходящий паром. Обычно она не носила еду — это была задача другой служанки, — но та заболела, и девушка решила помочь. Поставив пирог на стол, она замерла, не зная, уходить или остаться.

— Агния, присядь с нами, — вдруг сказал Захар. — Ты

замоталась совсем, отдохни.

Девушка вспыхнула и поклонилась:

— Да что вы, Великий Князь, мне ещё на кухню...

— Сядь, — мягко, но твёрдо повторил князь. — Сегодня мы все одна семья. Почти.

Агния, краснея до корней волос, опустилась на краешек скамьи — как раз напротив Ладомира. Тот улыбнулся ей тепло, пододвинул кружку с квасом.

— Пей. Ты, небось, с утра на ногах.

— Спасибо, — прошептала она, принимая кружку.

Разговор за столом тёк неторопливо, как река. Говорили о погоде, о видах на урожай, о том, что пора бы заменить доски на конюшне — совсем сгнили. Обычные, мирные разговоры, за которыми все прятали главное: ожидание.

Агния молчала, но то и дело поглядывала на Ладомира. Он казался ей таким надёжным. Спокойным. Добрым. Не то что парни из деревни, что вечно норовят ущипнуть или сказать грубость. Ладомир смотрел на неё иначе — тепло, с заботой, будто она была чем-то хрупким и ценным.

Трапеза подошла к концу в тот миг, когда в зал, мягко ступая тяжёлыми лапами, зашёл волк. Он обвёл всех сиреневым взглядом и остановился на инквизиторе.

— Амарок! — Лука быстро встал, оставив еду нетронутой, и пошёл навстречу фетчу.

Следом поднялся князь, кивком указав слугам — трапеза окончена. Те послушно встали и направились на кухню,

забирая тарелки. Всё это теперь пойдёт гончим псам — не пропадать же свежей еде.

Вместе со слугами пошли Ладомир и Агния. Всю дорогу молчали, иногда переглядывались, смущённо отводя взгляд.

У входа в кухню, когда остальные уже скрылись за дверью, Агния вдруг выпалила:

— Ладомир.

Он обернулся:

— Что, Агнушка?

— Я... — она замялась, покраснела ещё сильнее, но продолжила: — Мне кажется, всё это странным. Сестра твоя. Появилась так внезапно. И вроде всё хорошо, а у меня сердце не на месте.

Ладомир нахмурился, но не рассердился, как она боялась. Наоборот — взял её за руку, посмотрел на хрупкую с виду ладонь. Он-то знал, сколько в этой руке силы, а в девушке — выносливости: и дрова потаскать, и печь растопить, и теста намесить...

— Ты права, — тихо сказал он. — Странного много. Но она моя сестра. Я не могу не верить.

— Я понимаю, — Агния сжала его пальцы. — Я просто волнуюсь за тебя. Очень.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и в глазах его мелькнуло что-то новое.

— Ты правда волнуешься? — спросил он тихо.

— Правда, — выдохнула она. — Ты мне... небезразличен,

Ладомир.

Она тихо вздохнула и больше не могла сказать ни слова — лишь багряный румянец на щеках выдал её смущение.

Повисла пауза. Девушка попыталась войти в кухню, но он аккуратно притянул её за руку обратно.

— Агния, — Ладомир сглотнул. — Я тоже. Давно. Просто боялся сказать. Ты такая... красивая. А я простой слуга...

— Ты не простой, — перебила она. — Таких как ты нет.

Агния поднялась на носочки и поцеловала его в щёку — легко, осторожно, будто спрашивая разрешения. Ладомир замер, а потом улыбнулся — так счастливо, что у девушки защипало в глазах.

Волк бесшумно подошёл к камину, минуя Луку, улёгся на шкуры, положив морду на лапы.

— Явился, — Захар присел на прежнее место, отставил кубок подальше — хватит мёда. — Долго ты.

— Я быстро, — мысленно голос Амарока звучал устало. — Просто люблю эффектные появления.

Лука усмехнулся, подошёл ближе, присел рядом на корточки.

— У нас мало времени. Скажи, чувствуешь сейчас что-то?

— Лес как лес, — волк прикрыл глаза. — Тишина. Но какая-то неправильная. Будто все затаились. Даже звери молчат.

— Надвигается, — тихо сказал Захар.

— Надвигается, — согласился Амарок.

Повисла пауза. Только дрова потрескивали в камине да где-то вдали перекликалась стража.

— Нам нужно, чтобы ты кое-что сделал, — Лука нарушил тишину. — Спрятал статуэтку.

— Ту самую? — Амарок открыл один глаз.

— Её самую. — Захар подошёл к стене, нажал на скрытый выступ. Часть панели бесшумно отъехала, открывая тайник. Князь достал небольшую шкатулку, обитую серебром, поставил на стол. — Она внутри. Мы не можем её уничтожить, но можем спрятать. Так, чтобы никто не нашёл.

— Даже если перероют весь замок, — добавил Лука.

Амарок поднял голову, посмотрел на шкатулку долгим взглядом.

— Есть одно место, — сказал он. — Никто никогда не найдёт.

— Надёжно? — Захар подался вперёд.

— Надёжнее некуда. — Амарок поднялся, подошёл к столу, принялся к шкатулке. — Тьму замаскировать непросто. Но я справлюсь.

— Сколько времени тебе нужно?

— Туда и обратно — к утру управлюсь.

Захар открыл шкатулку, достал статуэтку, завернутую в чёрную ткань. Протянул волку. Тот взял её в зубы бережно, будто острый нож, будто яд, способный отравить всё вокруг.

— Амарок, — окликнул его Лука.

Волк обернулся.

— Береги себя.

Сиреневатые глаза на миг потеплели.

— Я всегда берегу. Ради неё. И ради вас.

И он исчез — растворился в воздухе, оставив лишь лёгкий запах леса да колыхание пламени в камине.

Захар с Лукой переглянулись. Сделали, что могли. Теперь оставалось только ждать.

Лука опустил плечи — сон накатывал с новой силой, и что-то подсказывало: надо выспаться.

— С твоего позволения, Захар, — князь приподнял глаза на инквизитора, — я пойду отдохну. И ты отправляйся. У нас впереди непростые дни.

Глава VI. Невеста для князя

Поздно ночью, когда звёзды зажгли на небе свои бледные огни, а ветер завывал в трубах и заставлял скрипеть старые ставни, Захар сидел в кабинете. Он просматривал фолианты и книги — тяжёлые, в пыльных переплётках, те, что редко доставал даже он сам. Искал разгадку, может, и у него найдётся что-то годное, что поможет им. Глаза слипались, мысли путались, но он заставлял себя читать дальше, строчку за строчкой, страницу за страницей.

И вдруг — стук в дверь. Тихий, робкий, совсем не похожий на твёрдую поступь стражи или уверенный шаг слуг.

— Войдите, — устало бросил он, растирая переносицу.

Дверь приоткрылась, и в щель проскользнула Злата. В свете свечей она казалась почти призрачной — светлые волосы распущены по плечам, простенькое льняное платье, огромные синие глаза, полные робости и надежды. Она мялась на пороге, будто не решаясь переступить невидимую черту.

— Князь, — пролепетала она, приседая в поклоне. — Простите, что беспокою так поздно. Я... я не могла уснуть. Можно с вами поговорить?

Захар нахмурился — не время, не место, не ночь для разговоров, — но смягчился, глядя на эту хрупкую фигурку. Что-то в ней было такое беззащитное, такое трогательное,

что отказать просто не поднималась рука.

— Конечно, Злата. Проходи, садись. Что случилось?

Она подошла неслышным шагом, опустилась на краешек стула напротив него. Руки её нервно теребили край платья, пальцы перебирали ткань, а глаза смотрели с такой отчаянной мольбой, что у князя шевельнулось что-то в груди. Жалость? Сострадание? Или что-то иное, чего он не мог распознать?

— Я... я понимаю, что не имею права, — начала она дрожащим голосом, и в голосе этом слышались слёзы. — Я здесь чужая, всего лишь сестра слуги. Но когда я увидела вас впервые... у меня сердце замерло.

Захар поперхнулся воздухом. Кровь прилила к лицу, потом отхлынула.

— Злата, ты...

— Позвольте договорить, — перебила она, подаваясь вперёд, и в этом движении было что-то отчаянное, почти неприличное для девицы её положения. — Я не могу ни есть, ни пить. Я знаю, вы любили другую. Виринею. Я знаю, что она была вам дорога. Но её нет рядом, а я... я чувствую, что между нами есть что-то. Не знаю, глупость ли это, судьба ли... — Она закусила губу, и в глазах её блеснули слёзы. — Я схожу с ума, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.